

МУЗЕЙ

В монастырях нередко создавались великие произведения искусства. Вспомним хотя бы фрески Дионисия в Ферапонтове или Троицу и Звенигородский чин Рублева. А какая утварь, какие богатые библиотеки! Силуэты Соловков, Кирилло-Белозерского или Иосифо-Волоколамского монастырей украшают все учебники архитектуры. И неслучайно русские художники так часто рисовали, писали стены и башни монастырские. Закрывая монастыри, советская власть их легко превращала в музеи, потому что они уже были ими

Смирные
труды
св. Сергия. Миниатюра
XVI в.

Feats of
St. Sergius.
16th-century
miniature

«Чувство расстояния»

Олеся ТУРКИНА,

сотрудник Государственного Русского музея

Несколько лет назад мы решили впервые за много-много лет извлечь из наших запасников и представить зрителю богатейшее собрание гравюр и лубков с изображением монастырей. Надо ли говорить лишний раз, что эта тема до недавних пор если и не была под запретом, то старательно замалчивалась. Нет, сотрудники нашего, да и других музеев, тщательно хранили свои коллекции, систематизировали, изучали, но опубликовать о них статью или организовать выставку — и думать не смели. И не беда, если бы музейщиков обвинили тогда в «идеологической диверсии», — сами экспонаты могли быть потеряны для будущего...

И вот, наконец, пришло время, когда тонкие и красочные листы с изображениями известнейших и уже забытых российских обителей заняли свое место в выставочном зале. Virtuозно исполненные профессиональным резцом или созданные в наивной манере

провинциальным ремесленником — эти гравюры не предназначались для украшения парадных залов. Картины с видами монастырей в основном покупали паломники, чтобы унести с собой память о благодатном свидании. Большие гравюры с видами православных святынь имелись в любом купеческом и мещанском доме, более дешевые лубки висели рядом с образами в крестьянских избах. Теперь найдешь их разве что у коллекционера или в музейном запаснике.

Приходится признать, что, разглядывая их, иной раз щемит сердце: от некоторых прославленных духовными и ратными подвигами российских монастырей остались обомшелые руины. В этих случаях гравюры становятся документами, бесценными для реставраторов, которые хотят воскресить утраченное величие православного искусства.

Одно из самых ранних произведений в

Вид Николаевской Берлюковской пустыни под Москвой.

Panorama of the Nikolayevskaya Berliukovskaya Hermitage near Moscow.

Вид Югской Дорофеевой общежительной пустыни близ Мологи (затоплена Рыбинским водохранилищем)

Panorama of the Ugskaya Dorofeyeva cenobitic hermitage near Mologa (flooded by the Rybinsk Reservoir)

нашей коллекции — «Зосима и Савватий Соловецкие»; чье изображение исполнено во второй половине XVII века в традиционной для того времени технике гравюры на дереве. Основатели Соловецкой обители держат в руках модель грандиозного северного монастыря, который представлен таким, каким был уже перед глазами художника: со множеством каменных башен, церквей, маковид с крестами. В этой гравюре повторена традиционная иконная композиция, где изображение святого сочеталось с видом основанной им обители. Также лаконичное контурное изображение предназначалось для раскраски. Оно окружено рамкой с витиеватым растительным узором, имитирующим оклад иконы. Сами Зосима и Савватий, доведись им увидеть Соловецкий монастырь на этой гравюре, поразились бы его богатством и красотой. Резчик ничего не преувеличил, он со всевозможной точностью передал застройку, которую узнаёт всякий, кто побывал на Соловках.

Как выглядели те же Соловки в начале XIX века, можно судить по более поздней гравюре из нашего собрания, «вырезанной тщанием архимандрита Досифея», как говорится в сделанной к изображению приписке. Это уже совершенно иное по характеру художественное произведение. Вид Соловецкого монастыря исполнен Досифеем в технике гравирования на металле, которой овладели в иконописной мастерской на Соловках. На протяжении XVIII—XIX веков здесь «вырезались» и печатались многочисленные изображения обители, предназначенные для продажи посещающим острова пилигримам. Эти гравюры и лубки часто не имели подписи художника, так как

создавались они исключительно для прославления обители. Таким образом, соловецкие гравюры до самого закрытия монастыря продолжали традицию древнерусского и народного творчества, которая не придает большого значения заслугам автора и приписывает художественное совершенство божьему помыслу.

Привычка ставить подписи под своими работами пришла к нам вместе с западными мастерами. В собрании Русского музея есть, например, два больших гравированных вида Москвы — от Каменного моста со стороны Воробьевых гор. Они исполнены в 1708—1709 годах под руководством работавших в России голландских гравёров П. Пикарта и Я. Бликланда. Центральные изображения помещены, между прочим, в обрамлении восьми видов московских монастырей, заключённых в архитектурные рамки. Несмотря на определённую условность этих декоративных рамок, составленных из пилонов и цветочных гирлянд, монастырские виды отличаются необычайной живописностью и правдивостью. Возьмем для примера самый известный и богатый московский Новодевичий монастырь. Он изображен гравёром со стороны Девичьего поля, на некотором отдалении. Нетрудно различить среди многообразия архитектуры монументальный пятиглавый собор, называемый Смоленским в честь иконы Смоленской Божьей Матери, и колокольню, которая, по словам архитектора Баженова, «более обольстит очи человека вкусимущего, чем колокольня Ивана Великого», и нарядную Успенскую церковь с обширной трапезной... И все-таки для художника в данном случае было важным создать общее впечатление, чем показать каждый памятник в

отдельности — оттого на первом плане появляются человеческие фигурки и животные, за монастырскими стенами кудрявятся деревья, а купола окутывают облака.

Пикарт, об участии которого в создании упомянутых видов Москвы нам стало известно из архивных документов, исполнил несколько гравюр с изображениями петербургских строений. В 1723 году, как свидетельствует надпись на гравюре, им исполнен проект Александро-Невского монастыря, будущей Лавры. Пикарт передал основные черты архитектурного проекта, созданного по воле Петра I зодчим «пруссские земли» Т. Швертфегером. Это был второй по счету архитектурный проект монастыря, который, как и первый, не получил полного воплощения в натуре. На гравюре мы видим окружающий строения с запада итальянский парк, несуществующий судоходный канал с восточной стороны, невыкопанный пруд. Несмотря на топографическую точность, гравюра Пикарта представляет собой не просто чертеж, а вполне самостоятельное художественное произведение.

С развитием профессиональной гравировальной школы подписи под своими работами стали ставить и отечественные мастера. В 1748 году при Академии наук и художеств в Петербурге мастер Григорий Качалов гравировал еще один проект Александро-Невского монастыря. Качалов исполнил большую аллегорическую гравюру с текстом — так называемым «тезисом» — по заказу архимандрита Феодосия, согласно его «программе». Гравюра делится на две части: изображение Троицы и Александра Невского со святым Федором и собственно вид монастыря. По рисунку

художника Гриммеля гравер сделал вокруг изображения барочную рамку и аллегорическую часть. Перспектива монастыря была скопирована с рисунка М. Махаева — художника, создавшего в середине XVIII века серию видов Петербурга и его окрестностей. Созданное Качаловым изображение Александро-Невского монастыря является образцом гравюры эпохи барокко — работе свойственна риторика и художественные излишества. В духе барокко и сопровождающая стихотворная надпись с упоминанием «высокославейшего Петра».

Ансамбль Александро-Невского монастыря окончательно сложился только в конце XVIII века, когда под руководством архитектора И. Старова был завершен грандиозный Троицкий собор. На литографии, то есть в технике гравюры на камне, выполненной автором петербургских видов К. Беггровым, мы видим главный петербургский монастырь в близком к современному виде.

В начале XIX века в Академии художеств открылся гравировально-ландшафтный класс, где были подготовлены великолепные мастера своего дела. Один из талантливейших выпускников этого класса И. Чесский исполнил по рисунку Г. Сергеева вид Валаамского монастыря, который можно рассматривать как полнокровный пейзаж. Изображение монастыря на гравюре Чесского впервые отделяется от аллегорической композиции, подчиняясь исключительно условиям романтического пейзажа: с кулисным построением первого плана, использованием световоздушной перспективы. Валаамский монастырь и его главный Спасо-Преображенский собор занимают место в глубине композиции, как бы

Успенский
Зилантов
монастырь
под Казанью

The Zilantov
Monastery of
the Dormition
near Kazan

Свято-Распятский скит на Анзерском острове на горе Голгофе (Соловецкий архипелаг)

The Skete of the Holy Crucifixion on the Colgotha Hill, the Anzer Isle (Solovki Archipelago)

отгороженные от зрителя волнистыми водами и гранитными берегами Монастырской бухты.

В собрании Русского музея множество видов Валаамского монастыря, равно как и других, менее известных обителей, как, например, Коневецкий монастырь, разбросанных по островам Ладожского озера или Селигера. Немало также видов провинциальных монастырей, удаленных от града Петрова на тысячи верст, — святыни Казанской, Воронежской, Орловской, Харьковской губерний, обители Сибири, Кубани и Крыма... Но, конечно, самое большое место в музейной коллекции гравюр занимают изображения Троице-Сергиевой

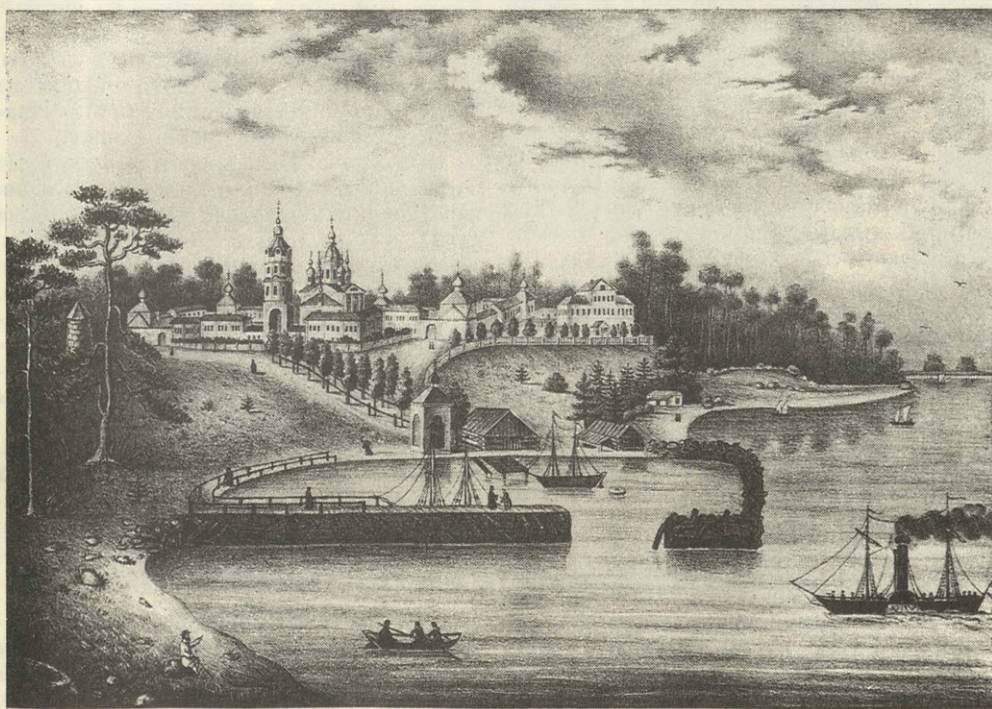
Лавры. Листы с видами главной российской святыни когда-то можно было встретить везде — они расходились по свету вместе с богомольцами, притекавшими к гробу Сергия Радонежского.

Исполненные в различных техниках и манерах, профессионально совершенные и ремесленно-наивные, гравюры с монастырским пейзажем были частью народного искусства. Глядя на эти картинки, мне невольно вспоминаются слова Евгения Трубецкого, писавшего о присущем русским изографам «чувстве расстояния», благодаря чему далекое становится близким.

Санкт-Петербург

Вид
Звенигородского
Саввино-
Сторожевского
монастыря под
Москвой
View of
the Savvino-
Storozhevsky
Monastery
in Zvenigorod
near Moscow

Вид
Рождественско-
го Коневецкого
монастыря на
Ладого

View of the
Konevsky
Monastery of
the Nativity on
the Ladoga